

ОЙГЕН ДРЕВЕРМАН

О БЕССМЕРТИИ ЖИВОТНЫХ

ОЙГЕН ДРЕВЕРМАН (*Eugen Drewermann*, род. в 1940 г.) — немецкий теолог, психоаналитик, писатель, общественный деятель. Изучал философию и теологию. Работал психотерапевтом. С 1979 года читал лекции по истории религии и догматике на католико-теологическом факультете в Падерборне. Одновременно являлся священником в *Sankt-Georgs-Kirche*, но после конфликта с официальными представителями католической церкви в 1991 году был лишён возможности преподавания, а в 1992 году — чтения проповедей. С этих пор занимается только писательской и психотерапевтической деятельностью, время от времени выступает с докладами. Активно участвует в движении защиты животных. Наибольшую известность приобрёл его трёхтомный труд «Структуры зла» (*Drewermann E. «Strukturen des Bösen»*. 3 Bde. — 6. Auflage. — Paderborn — München — Wien — Zürich: Ferdinand Schöningh — Verlag, 1988). Ниже публикуется реферативный перевод книги Древермана «О бессмертии животных» («*Über die Unsterblichkeit der Tiere*»). *Walter Verlag*, 1991).

Посмотрите на животных, на скот,
На овец, на ослов.
Поверьте, и у них есть душа,
Они тоже — люди,
Только они одеты в шерсть
И не умеют говорить,
Раньше они были людьми,
Дайте им есть,
Посмотрите на оливковые рощи
И виноградники,
Они тоже когда-то были людьми...
Но это было очень-очень давно
Они не могут помнить об этом,
Но человек помнит, вот почему
Он — человек.

*Никос Казандзакис.
Отчёт перед Эль Греко*

Надежда для страдающей твари

Тексты Евангелия от Иоанна — если их прочесть в контексте моей книги «Я спускаюсь в ладью солнца» — открываются нам как поэтические медитации о глубочайшей тайне человеческого бытия: о надежде человека на вечную жизнь по ту сторону смерти. Мы видим, как сильно экзистенциализируется и персонализируется человеческий символ «Воскресения»

благодаря личности Христа и благой вести христианства. Христианские образы и представления имеют в качестве прообраза многие темы египетской религии: новая жизнь и второе рождение, осознание и интеграция, разрушение и любовь, но в христианстве всё это по-новому освещено, — мы в нём имеем дело прежде всего с виной и прощением, грехом и искуплением, страхом и доверием, потерей и спасением души, отчаянием и счастьем. Для христианина становится невозможным размышлять о бессмертии как о чём-то метафизическом (как это частично происходило в Древнем Египте), верить в него как в ритуально производимую или восстанавливаемую реальность, христианин прежде всего стремится к мужественному и искреннему осуществлению веры в Иисуса Христа, к жизни, освобождающей «мир» от «мрака», «ночи», «страха», «лжи», от рабства богооставленности. К тому, чтобы вернуть себе свет и жизнь. Никогда раньше древнеегипетская мысль не поднималась до подобных высот, не ставила перед собой столь «царственной» задачи. В ней нет ничего подобного заключительным речам и явлениям Иисуса Христа в обеих заключительных главах Евангелия от Иоанна. Уникальность и величие христианской проповеди налицо. Но именно здесь мы сталкиваемся с болезненным вопросом, натываемся на роковое упущение христианского богословия, на его опасную, убийственную узость. Здесь встаёт вопрос, о котором более нельзя молчать — вопрос о судьбе наших со-творей, животных.

Христианство осуществило старые религиозные мечты, надежду на человеческое бессмертие. В западном богословии воцарился образ мира, где человек благодаря своему бессмертию бесконечно отличается и превозносится над всеми другими существами. Подготовлена эта революция была уже «просветительским» разрушением мифологического мышления в Греции V века до Р. Х. То, что в древнем Египте выступало в качестве символа и ритуала — в отношении бессмертия человека, — в философии Платона превратилось в философские категории и понятийные дедукции. Платон (под воздействием Пифагора) позволял иметь и животным душу — он придерживался учения о реинкарнации. Не было радикального, жёстко фиксированного различия между человеком и животным. Но христианское богословие, находясь в плену антропоцентризма, упростило учение Платона. Борясь с мифологическими религиями, пифагорейством и гнозисом, христианство стало утверждать, что бессмертна только человеческая душа, а «неразумные» звери — преходящие существа. Христианство в своём учении о воскресении справедливо возвысило человеческую душу как нечто бесконечно бесценное и великое. Но это завоевание было получено ценой огромной потери: бессмертными стали только люди. Абсолютное превозношение человека и относительное презрение к другим живым существам разрывает связующую нить Жизни. Жизни, соединяющей человека и животных. Как и всякая однобокая доктрина, эта идеология не соответствует действительности и ведёт к жестокости в отношении жизни.

В сегодняшнее время мы можем обозначить по крайней мере три пункта, где с лихвой выявляют себя недостатки этой идеологии.

1. Мы живём сегодня в такие времена, что о защите природы и экологических проблемах наконец-то заговорили серьёзно. Ясно, что защита окружающей нас природы напрямую связана с проблемой «контроля рождаемости». Если мы хотим сохранить кусочек чудесного мира исчезающих животных и растений (подумаем о тропических лесах), то мы впервые в человеческой истории должны подумать об относительности и исторической ограниченности данной Богом заповеди: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Бытие 1, 28).

Должно рождаться меньше людей, чтобы сохранилось биоразнообразие животных и растений — подобная программа и сегодня неприемлема для христианского антропоцентризма. Напротив: если только человек бессмертен, то пусть будет всё больше и больше людей, ведь только человек призван к вечному блаженству. Существование же животных и растений не имеет никакого значения *sub specie aeternitatis*. Неудивительно поэтому, что католическая церковь (прежде всего она) рассматривает всякую попытку «урегулировать» количество населения как «чрезмерную», как «пессимизм».

Даже тот факт, что по статистике каждый день от голода умирает 24 тысячи человек, не заставляет церковь изменить своё мнение. По крайней мере, на Небесах все эти умершие переживут судьбу нищего Лазаря. И вообще для них лучше, что они были, чем просто небытие. Разговор о печальном уделе животных в этом контексте даже не может быть начат.

2. Несомненно, что и экономические проблемы всё более сужающегося мира связаны с ухудшающимся положением животных. И здесь христианское учение о бессмертии только человеческого играет свою зловещую роль. Из тупика кончающихся ресурсов и продуктов человечество вывела индустриальная революция. Отсюда и возник проект преобразовать индустриальным способом также сельское хозяйство. И здесь господствует утилитарно зацикленная ментальность, с которой когда-то крошили уголь: гигантские фабрики «выращивают» животных чисто механическими методами, не считаясь с тем, что это живые существа, торопясь как можно быстрее получить прибыль и отправить измученных страдальцев на ещё более жуткие фабрики смерти — городские бойни.

В 2008 году в Германии существовало 13 миллионов крупного рогатого скота, 27 миллионов свиней, 50 миллионов куриц-несушек, 54 миллиона откормочных куриц, 10 миллионов индеек, 2,6 миллионов уток, 400 тысяч гусей, 22 миллиона кроликов, 3 миллиона овец, 160 тысяч коз, неизвестное количество разведённых рыб, а также норки, лисицы для меховой индустрии. Несколько миллионов животных было истреблено «в научных целях»,

в лабораториях, предназначенных для опытов над животными. Это были прежде всего мыши, крысы, кролики, птицы, амфибии, свиньи, хомячки, разные грызуны, собаки, коты, овцы, коровы, а также обезьяны.

«Пять недель жизни — столько живёт курица. Больше и невозможно, ведь на одном квадратном метре теснятся 25 животных! Но через одностороннее питание у птицы отключается центр насыщения в мозгу — животные едят до тех пор, пока не падают ниц от собственной тяжести. Их ножки более не выдерживают тяжести тела, многие уже не могут проделать короткий путь к воде или к корыту с едой. Каждый год в Германии в подобных условиях умирают 3 миллиона куриц.

Телята отбираются от матери сразу после рождения. (Есть, правда, редкие фермы-исключения). Они сразу же поступают в клеточные батареи, чтобы превратить их как можно быстрее в носителей белого телячьего мяса. Противоестественное кормление и содержание в очень узком пространстве — вот и вся короткая жизнь животных, выращенных для того, чтобы в виде телятины украсить тарелку потребителя. Со вкусом декорированный кусок мяса заставит забыть о страданиях твари и вытеснит неприятные мысли».

Нужно также заметить, что каждый год примерно 50 миллиардов зверей транспортируются в бойни, но для этого им нужно вынести тяготы пути, который может растянуться через весь глобус. Нет таких животных, которые не страдали бы в пути, законы и предписания обычно нарушаются. Но даже при исполнении всех предписаний страдания зверей непредставимы. Каждый год из Польши в Италию перевозятся 30 тысяч лошадей, из Франции в Испанию — 170 тысяч ягнят и 105 тысяч ягнят из Испании во Францию.

Насколько же безнравственны, морально глухи и коррумпированы так называемые научные контролёры, которые аттестуют подобные вещи как «соответствующее виду содержание животных». А что сказать о законах, которые никто и не думает исполнять, ведь «экономическая выгода» важнее и покрывает любое монструозно жестокое обращение с животными. Конечно, человечество руководствуется законами рынка, свободной конкуренции, и чтобы выжить, маленькие крестьянские хозяйства должны превратиться в массово-индустриальные. Всё это так. Но основная причина в другом — в убеждении, что только человек обладает бессмертной душой. Животные же — ничто, используемый материал для нужд человека. Ибо человек — господин Творения во времени и в вечности.

Внутри этого христианского контекста немислимо — следуя примерам индуизма и буддизма — провозгласить абсолютный запрет на убийство и призвать отказаться от употребления мяса и рыбы, т. е. призвать к *религиозно мотивированному вегетарианству*.

Нет, историческое христианство и по сей день продолжает утверждать, что все твари служат человеку, сам Бог создал животных для человеческого

питания, что, богословски рассуждая, предназначение лосося, куропатки и зайца — быть съеденными человеком. По сравнению с недостижимым достоинством человека ничтожными должны казаться любые страдания прочей твари, если она создана и «необходима» лишь для человеческих целей.

Но самое страшное — это научные опыты над животными. Сегодня 100 миллионов — цифру можно без зазрения совести увеличить — животных всех видов, во всех мыслимых и немыслимых концах земли, становятся жертвами бессмысленных и жестоких экспериментов. Годами сидят в своих узких клетках обезьяны. Крысам искусственно прививают опухоли... Собакам перерезают голосовые связки, чтобы более не слышать их криков. В университетах животным отрезают головы для чисто демонстрационных целей. Им разрезают грудь и выливают кровь до остановки сердца. В целях психиатрических исследований на обезьянах, котках, полевых мышках проводятся жестокие операции на мозг, чтобы потом наблюдать беспомощность этих созданий. С 2006 года в Германии существует новый Закон о защите животных, следуя которому эти опыты должны быть менее жестокими. Но достаточно заявить, что данные эксперименты будут иметь большое значение для нужд человека или животного, а также для решения научных проблем, чтобы дать волю садистскому воображению и заставить как угодно мучиться животное. Согласно данным министерства сельского хозяйства, в 2006 году в Германии для лабораторных исследований было использовано 2,5 миллионов позвоночных животных. В предыдущем году их было на 4,5 процентов меньше. Во всём Европейском Союзе число опытов над животными возрастает. Суммируем: христианский Запад не знает, что такое этика, не знает, что нельзя причинять страдания ни человеку, ни животному. Ведь для Запада только человек бессмертен!

3. Как далеки от любви к природе догматические представления человека о человеческой душе! Об этом не в последнюю очередь свидетельствуют затруднения, которые испытывает сегодняшняя теология, сталкиваясь с эволюционной картиной мира современной науки. Со времён средневековой схоластики основой служила очень статичная модель Аристотеля. Эта модель утверждала, что сущее в принципе субстанционально не изменяется. Подобные мысли продолжают навязываться студентам теологии и в сегодняшних католических институтах. И даже там, где томистская мысль робко вводит «историю», эта история начинается только с Израиля и его «откровения», примерно 4000 лет назад. Для подобного хода мысли всякое рассуждение о том, что человек возник 3-4 миллиона лет назад (со своим телом и своей душой), возник из мира животных, что жизнь могла спонтанно появиться из неорганической материи — с порога отрицается как ересь или атеизм. «Уникальность» человека вызывает к одноразовости временного (!) творческого акта, и все заботы обращены на «свободу» человека и бессмертие его души, которые могут подвергнуться сомнению,

если человек — это просто часть космоса. В той степени, в какой вытеснялись мысли об эволюционном происхождении человека, его будущее искали в Христе («эсхатология»), при этом никогда не учитывались достижения современной космологии, но всегда предпочиталась библейская точка зрения. Так, Ханс Кесслер в своём знаменитом богословском труде «Не ищите Живущего среди мёртвых» пишет о значимости веры в воскресение: воскресение самого Иисуса «ещё не завершено и не закончено... Оно будет совершенным воскресением, когда окончательно произойдёт победа над грехом и смертью» (Ис. 25, 8; 1 Кор. 15, 25), когда воскреснут «многие братья» и сестры Иисуса (Рим. 8, 29) в их единстве со Христом и Отцом, а также в искуплении всего Творения. Согласно апостолу Павлу, «вся тварь совокупно стенает и мучится донныне», ожидая откровения сообщества сынов и дочерей Божьих, которое будет свободно от страха и страдания. Только так тварь обретёт свою собственную свободу от порабощённости тлением (Рим. 8, 19–22). Безусловно, в настоящий момент мы, люди, очень далеки от того, чтобы жить как «искупленные». В этом смысле воскресение Христово ещё не закончено. Однако складывается впечатление, что борьба христианства против «языческой мифологии» создаёт, освобождая вытесненное, новый христианский миф. Конечно, есть существенное отличие: в то время как языческие мифы при помощи символов делали человека частью природы, у христиан весь мир «загоняется» в «человеческое». Так, история сотворения мира в книге «Бытия» — это лишь короткая прелюдия, подготовка реквизитов для сцены, на которой разворачивается человеческая история...

Всё творение подвергнуто порче из-за первородного греха Адама. Христос (т. е. человек, подражающий Христу), посредством церкви, как истинного «тела Христова», должен освободить всё и вся. Без сомнения, эта картина мира ещё мифологична. Но, в отличие от языческого мифа, в центре христианства — всегда человек. Он и его судьба решают судьбу всего космоса. Подобное богословие, как и во времена Галилея, отказывается просто посмотреть в микроскоп или телескоп. Тогда бы свершилось полное поражение христианского антропоцентризма, только потому, что открылись бы действительные размеры пространства и времени, потрясающее взор величие вселенной. Из этих размышлений следует простой, но очень важный вывод: вера в уникальность каждого человека, в бессмертие человеческой души при взгляде на мироздание должна спросить себя — а так ли уж исключителен человек? Может быть, Дух реализовал себя ещё где-то в мире? Одним словом: если бессмертны люди, почему не бессмертны и звери?

Уже Платон несправедливо односторонен, когда переводит мудрость мифа на язык философии. Но по-настоящему однокбок Аристотель, благодаря его влиянию христианская философия совсем потеряла нюх и подменила действительность логическими конструкциями. Бессмертие человеческой души стало некой теоремой, которую можно доказать, как теорему математическую или геометрическую. Подобная установка, а также

и догматическая самоуверенность в вопросе об уникальности человеческой души, были сильно поколеблены открытиями Чарлза Дарвина. Протестантизм вообще отказался от греческого наследия в вопросе о человеческой душе, противопоставив «языческую», небиблейскую точку зрения подлинной, христианской, интерпретирующей христианство прежде всего как веру в воскресение Христово. На самом же деле уже древнеегипетский миф говорит о том, что одно не противоречит другому. Символ небесного путешествия души вполне согласуется с символом воскресшего бога, они дополняют друг друга. Но самое печальное, что это исключительное положение человека в отношении воскресения только усиливает антропоцентрические претензии в христианстве: только люди могут веровать в Христа! Но проблемы, поставленные теорией эволюции, не решаются таким образом. Остаётся вопрос: с какого мгновения существует человек?

Когда Фома Аквинский, на несколько веков определивший католическую точку зрения в этом вопросе, задумался о судьбе животного, у него не было сомнений: «душа животного не участвует в вечном бытии». «В животных нет стремления к вечности, их вечность — это их вид, откуда в них существует стремление к размножению». С подобным «аристотелевским» аргументом была вырыта пропасть между животными и людьми. Но живая действительность не собирается быть столь однозначной. Реальность — это перетекание одного в другое и границы здесь размыты. Всё ведёт к тому, что христианская антропология должна открыть для себя глубину времени и временных изменений.

Ещё совсем недавно доцент-экзегетик, занимающийся Новым Заветом, сказал мне, что образы органического мира, которые даёт Христос, — это образы неспешные, медлительные, в то время как научная картина мира изобилует постоянными катастрофами, наводнениями, оледенениями и т. д. Перед лицом таких «аргументов» хочется ответить, что недавнее наводнение в Северном море связано с «дюнкеркской трансгрессией», в нём нет ничего неожиданного, а атаки ледникового периода — они длятся тысячи лет! Вот в каких рамках нужно думать о развитии человека. Человек — не продукт одномоментного Божьего вмешательства или громовой вспышки, он — продукт многотысячелетнего процесса, в этом процессе можно говорить о примитивном использовании орудий в те времена, когда ещё не обрабатывался камень... Другими словами, невозможно назвать дату появления на свет первого человека: неандерталец ледникового периода уже принадлежал виду *Homo sapiens*, но *Homo erectus*, который 300 тысяч лет тому назад умел пользоваться украденным даром Прометея — огнём — находится от нас дальше, чем осёл от лошади. А *Homo habilis*, существовавший более 2,7 миллионов лет назад? И австралопитек, чей мозг не больше, чем мозг шимпанзе?

В одном лишь мы уверены: Аристотель не прав — животные (в особенности высшие) никак не являются бессубъектными представителями видов. Никто из сегодняшних богословов не догадывается, что наши ближайшие

родственники — гориллы и шимпанзе — так же выражают свои эмоции, как и человек. Они могут смеяться и плакать, радоваться и бояться, быть нежными или рассерженными и, засыпая, они видят сны. Кто, собственно, разрешил так жестоко поступать с существами, чей интеллект и богатство чувств соответствуют интеллекту и чувствам наших прародителей, живших примерно 2 миллиона лет тому назад? Кто позволил нам, людям, грубо вторгнуться и разрушить их жизненное пространство и оставить несколько оставшимся в живых экземплярам единственную возможность — пребывать в вечном заточении у человека?

Сколь огромно расстояние, отделяющее сегодняшних морских котиков от гоминидов? Но как «по-человечески», только через 30 миллионов лет люди пришли к соображениям, сформулированным японским исследователем обезьян Мазао Каваи осенью 1953 года. Он наблюдал, как обезьяны могут быть «социальны», как они делятся друг с другом своими индивидуальными открытиями. Исследователь увидел, как полуторалетняя самка обезьяны (её назвали Имо) вымыла в воде покрытую песком картофелину. Это было в первый раз. «Прошёл месяц, и один из друзей Имо тоже начал мыть картофелины. Через четыре месяца то же сделала мать Имо. А в 1957 году уже пятнадцать обезьян так мыли картошку». «Подобное перенесение личного опыта от одного к другим рассматривается исследователями человеческой культуры и праистории как наиважнейшее условие для возникновения культуры или даже как начало самой культуры». После тысячелетней борьбы христианской идеологии за уникальное положение человека в космосе она потерпела поражение, данные психоанализа и этологии (поведения животных) не могут не привести нас к выводу: существует одно единственное движение жизни, породившее и нас, людей, которое несёт нас дальше. Но христианские богословы продолжают утверждать, что только мы, представители вида *Homo sapiens*, являем собой недостижимую кульминационную точку эволюции. Почему? Потому что только в нашем человеческом виде появился Христос. Многие богословы выстраивают из факта воскресения Христова фантастические картины «обетований» и не понимают, что эти утопии будущего совершенно статичны, поскольку фиксируют сегодняшнее представление об эволюции. Что станет с нами, людьми, если мы ещё не прикончим сами себя в течение ближайших двух миллионов лет? При сегодняшнем темпе исторического развития на этот вопрос невозможно ответить, но ответить необходимо! Ясно только одно — мы сегодня ближе к животным, чем к тому представлению о человеческом, которое уже живёт в нас. «Различие между обезьяной и человеком — это мы сами», — говорит Конрад Лоренц. Очеловечивание только лишь началось. Как христиане, мы не способны оценить индуистское представление о Вишну, втором члене божественной троицы, который приходит на землю опять и опять, принимая всё время новые образы. Грегори Бэтсон считает, что дух — это структурное свойство всех сложных систем. Иначе невозможно. Вера

в бессмертие человека должна подвигнуть нас к мысли о бесконечности и безмерно расширить христианскую догматику. Кардинальным масштабом при этом должно стать наше отношение к животным, и также наше отношение к интерпретациям мировых мифов. В этом плане в первую очередь нужно выделить египетскую мифологию. Ей христианство обязано своими представлениями о воскресении и бессмертии. В древнем Египте животные принадлежали миру богов и людей. Они были и посланцами богов, и их воплощениями, постоянно слитыми с фигурой человека. Вера в единое начало жизни была в Египте столь сильна, что вместе с человеческими телами они бальзамировали всевозможных животных — кошек, крокодилов, птиц и др., чтобы и они ушли в вечность. В этом есть последовательность — на восточных холмах старого Каира обезьяны вместе с людьми поют гимны восходящему солнцу. И невозможно себе представить, что этот универсальный гимн благодарности жизни, объединяющий людей и животных, смог бы прерваться смертью. Конечно, ничего нельзя доказать — ни наличия бессмертной души у человека, ни её наличия у животного. Но в египетском мифе очевидно и то и другое. Ведь главным аргументом любой надежды на бессмертие является любовь. И если это так, то уже там, где индивидуально высиживаются будущие птенцы и присутствует материнская любовь, субъективно ощущается присутствие власти и силы, которой мы обязаны всем нашим существованием. По крайней мере, начиная с этой ступени мы рискуем говорить о *праве на бессмертие*. А что можно сказать о временах ещё более ранних, предшествующих возникновению млекопитающих и птиц (70 миллионов лет тому назад)?

Первобытные охотники, убивая животное, просили у него прощения. В сущности, «убийства» не было вообще. Душа животного улетала в мир богов. И животные были в небесах посланцами людей. Следовало бы добавить к христианской картине мира мысль Канта из его учения о трёх постулатах. Кант был убеждён, что ни субстанциональность, ни бессмертность человеческой души не доказываются с помощью рассудка. Он сказал, что идея бессмертия необходима для того, чтобы перед лицом конечного существования человека придать вес и смысл нравственному закону. Законы морали прекратят существовать, если не будет веры в бессмертие. Не очень отличались от Канта и египтяне, но они распространили бессмертие и на животных: животные должны обладать бессмертием, чтобы — будучи носителями собственных прав — они помогали богине Маат, взвешивающей человеческие души на весах справедливости и милосердия. Египтяне не думали, что нечеловеческий мир, удивительный мир природы — это царство зла. И он должен быть освобождён нами, людьми. Наоборот — древние египтяне думали, что человек может и должен учиться у животных мудрости и благочестия. Были, конечно, и отрицательные «персонажи»: змея, крокодил, а также бегемот считались врагами бога солнца, осёл ассоциировался со злым богом Сетом, но подобные символические обозначения никогда

не соперничали с основной идеей — в космосе как целом нет ни порчи, ни извращений. В Древнем Египте существовали и охота, и пиры, но египетские рельефы совершенно не похожи на ассирийские и вавилонские, которые в этом пункте также повлияли на законнические положения Библии. Охота и её жертвы вписывались в религиозный контекст, определённые виды животных объявлялись «врагами», чтобы хоть как-то смягчить неразрешимый конфликт, который существует в душе каждого чувствующего человека, между необходимостью убийства (в то время животные ещё были необходимой пищей) и любовью к животным. Древний Египет (и дальневосточные религии) сильно отличается от шестисот заповедей, изложенных в Библии. Представление египтян о воскресении продумано с этической строгостью, нет воскресения без ответственного отношения к животным. Этика Египта требовала сострадательного отношения к твари. Последний суд, там, где на весах Маат с одной стороны лежит сердце умершего, с другой — истина, поведение человека измеряется не только его отношением к ближнему, но и отношением к природе. Умерший отчитывается, не прибегая к казуистике или абстракциям, он приводит примеры, соответствующие этическому идеалу: «Я не отнимал ни пищи, ни травы у скота». И дальше: «Я не обидел ни одно животное». Грехом считалось любое злое действие по отношению к зверю. Естественно, египетская этика идёт дальше — она оставляет за животным право жаловаться на человека. «Против NN нет никакой жалобы со стороны живущего». «Против NN нет никакой жалобы со стороны умершего». «Против NN нет никакой жалобы со стороны гуся». «Против NN нет никакой жалобы со стороны быка». Гусь и бык — это те, кто представляет всё животное царство. Подобные высказывания мы находим в пирамидах Унаса (5 династия, около 2300 лет до Р. Х.) и Пепи II (6 династия, около 2200 до Р. Х.).

Подобного не существует нигде на христианском Западе. Все эти мысли прошли мимо Библии. В позднем иудаизме что-то похожее первый и последний раз появляется в Славянской книге Еноха (Гл. 58). Там во время Страшного Суда души животных обличают людей. А среди христианских богословов наших дней один лишь Джозеф Бернард вспомнил об этих примерах в своей книге «Неоплаканные твари» и заставил даже говорить Валаамову ослицу: «Что я тебе сделала, что ты бьёшь меня вот уже третий раз?» (Чис. 22, 28). Вера в бессмертие животных нам необходима. Она может служить регулятивной идеей для нашего практического разума, чтобы мы признали свою вину перед животными. Не «спасти», не «искупить» должны мы животных, но оставить их в покое. Это наш долг. Нет на земле ни одного места, где бы животные не существовали раньше нас.

Среди писателей XX века ни один так сильно не воспринимал вид страдающей твари и ни один не выразил это страдание с такой пронзительностью, как поэт Франсис Жамм. В своей книге «Рай животных» он обнаруживает силу своих христианских чувств, которой нам всем нужно ещё

научиться: «Глубоко во взгляде животного спрятан свет кроткой печали. Он наполняет меня такой любовью, что сердце моё открывается подобно хоспису навстречу всей страдающей твари. — Жалкая лошадь, которая спит под дождём, стоя с опущенной до самой земли головой у входа в кафе; борьба за жизнь или смерть раздавленной повозкой кошки; раненый воробей, ищущий себе укрытие в углублении стены, — навсегда все эти страдальцы найдут себе место в моём сердце. Если бы это не смущало людей, я бы встал на колени перед подобным терпением и муками, ибо мне зримо является ореол славы, осеняющий головы этих страдальцев. Действительный ореол, посланный самим Богом, огромный, как вся вселенная. — Вчера на рынке я видел карусель с деревянными лошадками. В их компании находился ещё и осёл. Когда я заметил его, слёзы сами потекли из моих глаз, потому что я вспомнил о его живых собратьях и о тех попытках, которыми одаривают их люди. И я стал молиться: „Ослик, ты — мой брат! Они называют тебя глупым, потому что ты не способен творить зло. Ты идёшь мелкими шагами и, наверно, думаешь про себя: ‘Не смотрите на меня так, я не могу идти быстрее... В моих услугах нуждаются бедные, потому что они не должны слишком хорошо кормить меня’“. Тебя бьют палкой, ослик! Ты немного убыстряешь темп, но совсем немного, быстрее ты не можешь... А иногда ты падаешь, тогда они все набрасываются на тебя и так сильно тянут за поводок, что твои губы ползут вверх и обнажают жалкие жёлтые зубы“. На том же рынке я видел с десятков дромадеров, они были спрессованы, как сардины в консервной банке, арабы держали их в тесной яме. Эти великаны, которые волнообразно пересекают Сахару, где для них существуют только Бог и смерть, поработочены и изуродованы человеком... Они крутились в узком, удушливом пространстве, но их жалоба была похожа на тошноту, которую вызывал человек. Иногда они шли через рынок, гордые, подобно лебедям, с аурой отчаяния, покрытые гротесковыми негритянскими тряпками. Над ними издевались танцующие женщины, а дромадеры вытягивали вверх свои шеи-червяки — навстречу Богу и чудесным листьям оазиса и безумия. — О, унижение созданий Господних! Вблизи от верблюдов в клетках сидели кролики, они рекламировали какую-то лотерею, золотые рыбки плавали в стеклянных баллонах, у баллонов были столь узкие горлышки, что мой друг спросил меня: „Как они могли запихнуть туда рыбок?“. „А их немного помяли“, — был мой ответ. Ещё где-то крутился гончарный круг, с привязанными к нему курицами — тоже жертвами лотереи. Среди кур лежала, распластавшись на животе, маленькая морская свинка, почти неживая от жуткого страха. У кур и петухов было головокружение, они кричали и шипали друг друга. Мой приятель заметил, что мёртвые и обшипанные куры были повешены тут же, среди ещё живых родичей. — Моё сердце обливается кровью, когда я вспоминаю всё это. Меня охватывает приступ бесконечного сострадания. — О, поэт! Заклучи в своё сердце замученных зверей, согрей их там и дай вечное счастье! Иди и будь глашатаем простого слова, обучай незнающих доброте!».

Франсис Жамм говорит здесь только о том страдании, которого можно было бы избежать. О поведении безответственных и равнодушных людей. Он даже не касается вопроса о «нужном» и «необходимом» мучении животных, которому они подвергаются с давних времён. Но он говорит языком религии, языком всеобъемлющего понимания, веры и доброты ко всему живущему. Кротость сострадания, которое не может не быть не потрясённым при виде чужих мучений. Есть ещё один поэт, который принял в своё сердце страдающую тварь. Это Франц Верфель. Верфель совершенно правильно связал веру в бессмертье с универсальным состраданием ко всем существам. Ведь что такое вера в Бога, как не доверие Ему, как не убеждение в том, что на этой земле не будет слышно ни одного крика о помощи, ни одной жалобы от невинно страдающих, что исчезнут печаль и боль? Вера — это вера в то, что всё будет сохранено в этой великой, бесконечной памяти, в которой ничего не забывается, ибо она в своём вечном настоящем является пониманием и любовью ко всему существующему. Но что будет, если в последний день этого света не только животные, но и мы, люди, выступим свидетелями этой памяти, этого страдания и сострадания ко всему живому и принесём Богу то горе и ту боль, которые навеки останутся в наших сердцах? В своей оде «О страдающих зверюшках» Верфель писал:

«На разломанном камне я увидел застывшую маленькую ящерицу. Она не шевельнулась, услышав громкие шаги. Не убежала. А ведь в другое время малейшее шуршание гравия и неслышное дуновение заставляли её пускаться в бегство.

Наклонившись, я увидел: очаровательное тельце. Оно зримо увядало. Когда-то оно сияло, как смарагд. Теперь стало серым. Лихорадочно бьющийся язычок выдавал слабость, муку и уходящую жизнь. Задумавшись, я отошёл. Сделав несколько шагов, у низких дверей я увидел призрак котёнка. Шелудивый отброс. Двухнедельный. Он кричал и стонал. Он жаловался на свою беду и на скорую смерть.

Я отвернулся. Но на душе было тяжело. Я более не чувствовал дня с его южным ликованием. Чёрным казалось море. И цветущая кругом природа показалась помойкой не услышанных миром страданий.

Но я поклялся сам себе, что не позабуду вас, ничтожные зверюшки, чья судьба задела меня. И когда моя душа превратится в одно воспоминание, я хотел бы представить вас обоих перед нашим Создателем».

Верфель прав. Наша надежда в чёрном море прошедшего — это ожидание вечной жизни. Но если мы будем жить вечно, эта память о чужом страдании будет всегда с нами, а боль никогда не покинет нас. В глубинах безумия эта боль будет вспыхивать на заднем плане и омрачать картину чистой радости и всеобщей гармонии.

Подготовка материала *Татьяны Горичевой*